НАРЬЯН-МАР

Моему отцу посвящается

Продрогшую ночь неразбавленным спиртом запей,
песок Нарьян-Мара колюч, а норд-вест плотояден.
Стоят самолёты в порту, не летят, хоть убей,
но первый пилот наш, как водится, трезв и опрятен.

Которые сутки округу качает метель,
геологи тесной ватагой галдят в уголочке,
а рядом на стуле красуется фотомодель,
невинная жертва обычной полётной отсрочки.

Улыбка у фотомодели не сходит с лица:
так много мужчин бородатых в отчаянном виде,
и вряд ли найдёшь среди этих ребят пошлеца,
который девчонку лучистую чем-то обидит.

Она в обстановке такой остаётся собой,
сестра тридесятых колен Василисы премудрой.
А первый пилот, получив наконец-то отбой,
отправится спать с сумасшедшей надеждой на утро.

И станет им сниться под утро: настала весна
а талые воды привычно сменились цветеньем.
Их встреча случайная будет к нулю сведена,
но, впрочем, чего не свершается Божьим веленьем.

Печоры торосы не могут собой заслонить
крепчающий ветер, и в этом – какая-то драма.

Пурга за стеной, как песец, продолжает скулить,
и дома привычно грустит в одиночестве мама.

СНЕГОПАД

Было ясно, но сгустились тучи.
И внезапно, как-то невпопад,
закружился замятью летучей
меж землёй и небом снегопад,
укрывая одеялом ватным
тротуары, клумбы и ларьки.
Фонарей мерцающие пятна
в круговерти, словно маяки.

И ориентируясь на это,
как в штормящем море корабли,
пешеходов редких силуэты
двигались загадочно вдали,
и за снежным пологом колючим
исчезали, или шли ко дну.
Я подвинул стул, чтоб встала внучка
к тёмному, вечернему окну.

Славная, курносая девчонка,
только начинающая жить,
протянула нежные ручонки,
что-то мне, пытаясь объяснить,
ведь ребёнок думал, что играют
с белым снегом в салочки дома,
до конца ещё не понимая,
что настала в городе зима.

Миг назад умытая слезами
девочка смотрела в эту мглу
широко открытыми глазами,
прижимаясь носиком к стеклу.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Что-то зреет во мне. Что-то сердце сжимает в кулак.
И предчувствием новой строки переполнен до края.
Я берусь за перо, но опять погружаюсь во мрак,
что сгустился вокруг и с рассветом никак не тает.

Я хожу, как слепой, от стены до соседней стены,
сгусток мыслей моих в этот час не подвластен веленью.
Ожиданье прозренья сродни ожиданью войны,
там и там – стук в висках и противная слабость в коленях.

Обрывается нить. И теперь остаётся одно:
наплевать на мечту, окончательно выйти из боя.
Но по воле ветров ветвь рябины стучится в окно,
мне, давая понять, что сегодня сдаваться не стоит.

Лопнет с треском пространство и брызнет загадочный свет:
это жизнь возвратилась, простые мгновенья рифмуя.
Вот такие дела! И сомнений во мне уже нет,
и за первой строкой напишу непременно вторую.